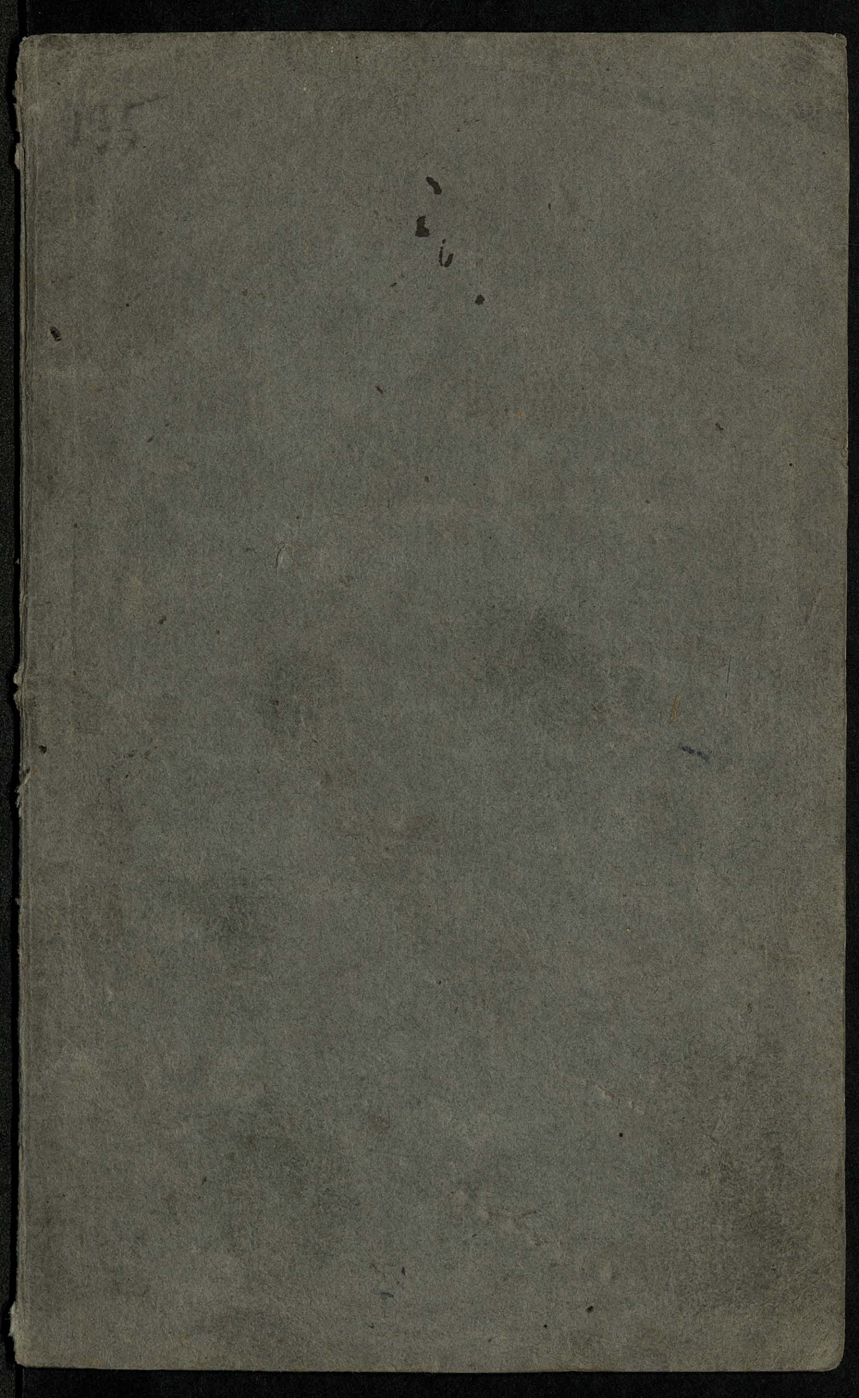

ТАКТИКА.

СОЧИНЕНІЕ

Г. ВОЛТЕРА,

КОТОРОЕ

преложилъ

ВЪ РОССІЙСКІЕ СТИХИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА

БАККАЛАВРЪ

ЕРМИЛЪ КОСТРОВЪ.

Ноября 12. дня 1779 года.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи.

ТАКТИКА.

На дняхъ прошедшихъ я Каиля навѣстилъ,
И для чего? онъ мой книгопродавецъ былъ;
Не рѣдко у него пространные анбары
Хранятъ бездѣлицы и вздорные товары.
Я книгу новую, сказалъ онъ мнѣ, досталъ,
Для смертныхъ нужную, достойную похвалъ;
Въ ней съ мудростью цвѣты красотъ соединились,
И стоитъ, чтобъ по ней всѣ смертные учились;
Мы счастье чрезъ нее возможемъ основать,
Зовется Тактикой, изволь ее принять.

Какъ, Тактикой? а я досель сего названья
Не зналъ, не зналъ равно его знаменованья,

Но мнѣ въ отвѣтъ Каилъ! названіе сіе
Имѣетъ въ Галліи отъ Грековъ бытіе,
И значитъ самую науку превосходну,
По преимуществу науку безподобну,
Высокихъ разумовъ и знатныхъ всѣхъ мужей
Желанья совершить не трудно можно ей."

Купилъ я Тактику, и чтилъ себя блаженнымъ,
Мня способъ въ ней сыскать, какъ быть мнѣ совершен-(нымъ,
Чтобъ вѣкъ мой продолжить и горесть усладить,
Умѣрить прихоти, и мысли просвѣтить;
Чтобъ необузданны желанія и страсти,
Разсудка здраваго подвергнуть мудрой власти;
Чтобъ должну честь являть и справедливость всѣмъ,
Однако чтобъ не быть обмануту ни кѣмъ.
Такъ мня о Тактикѣ отъ всѣхъ я удаляюсь,
Прилѣжно чту ее, и въ томъ лишъ упражняюсь,
Дабы на память мнѣ сей книги смыслъ познать,
Друзья! наука то, какъ ближнихъ умерщвлять.

Узналъ я, что Монахъ, особа толь святая,
Селитру съ сѣрою смѣшавъ и растопляя,
Нечаянно для насъ злой порохъ изобрѣлъ,
И опалившись имъ, онъ больше почернѣлъ.
Узналъ я, что ядро, чтобъ ниже опуститься,
Такъ должно вверхъ сперьва не много устремиться,

И что изъ мѣдныхъ жерлъ въ минуту смерть летя,
Параболу своимъ полетомъ начертя,
Двумя ударами, которы звѣрски руки
Направятъ съ хитростью другимъ на злостны муки,
Сто синихъ Автоматъ разположенныхъ въ строй
Опровергаетъ вдругъ, и рушитъ въ прахъ земной;
Ружье, кинжалы, мечь, штыки остроконечны,
И всѣ орудія, хотя безчеловѣчны,
Все хорошо для насъ, и все къ добру ведетъ,
Полезно все, когда что колетъ и сѣчетъ,
Подобныхъ намъ самимъ искусно убиваетъ.

По семъ ночныхъ воровъ писатель представ-
(ляетъ,
Что чрезъ подземный путь не бивши въ барабанъ,
Всегда молчаніемъ скрывая свой обманъ,
Мечи и лѣстницы неся чрезъ тьму густую,
Нечаянно мертвятъ тамъ стражу всю ночную;
На стѣны города въ безмолвіи возшедъ,
Гдѣ спятъ всѣ жители не опасаясь бѣдъ,
Ихъ домы рушатъ въ прахъ огнемъ или мечами,
Мужей и чадъ мертвятъ, ложатся спать съ женами,
И утомясь потомъ отъ ревностныхъ трудовъ,
Чужое пьютъ вино при грудахъ мертвецовъ,
На завтрѣе во храмъ съ усердіемъ стремятся,
Хвалу воздать Творцу за подвигъ славный тщатся,

И По-латынѣ пѣснь молебную поютъ,
Защитникомъ его себѣ достойнымъ чтутъ,
Что безъ руки его, вѣщаютъ всѣ не ложно,
Взять городъ и сожечь имъ было не возможно,
Что грабить, убивать никтобъ изъ насъ не могъ,
Когдабъ не помогалъ намъ въ томъ всещедрый Богъ.

Я странно пораженъ наукой толь хвалимой,
Къ Кандю побѣжалъ, и ужасомъ тѣснимой,
Немедленно сію я книгу возвратилъ,
И съ гнѣвомъ понося его, проговорилъ.

Поди о сатанинъ книгопродавецъ лютый.
Съ твоею Тактикой, не медля ни минуты,
Въ жилище, гдѣ Де, Тотъ продерзости примѣръ,
Гдѣ въ Саваѳово сей имя изувѣръ,
Ведетъ Махометанъ въ Исусовы предѣлы,
И пушекъ множествомъ покрывши Дарданелы,
Ихъ учитъ убивать Христовъ носящихъ крестъ;
Поди къ трофеямъ ты кровавыхъ оныхъ мѣстъ,
Гдѣ гнѣвный виденъ слѣдъ Румянцова, Орлова,
Поди къ рушителямъ Бендеръ, или Азова,
Иль паче къ Фридриху стремись ты съ книгой сей
И будь увѣренъ въ томъ ты мыслію своей,
Что лучше знаетъ онъ сей правила науки.
Не сочинитель твой на злѣйши смертныхъ муки,

Но

Но са́мой сатана его тому училЪ.
ВЪ наукѣ сей его примѣромЪ свѣтЪ почтилЪ,
КакЪ смертныхЪ убивать и кровію ихЪ мыться:
Евгеній и ГуставЪ не могутЪ сЪ нимЪ сравниться.
Поди, я признаю́сь, и истинно не лгу,
Что я тому никакЪ повѣрить не могу,
ЧтобЪ человѣкЪ, (когда, минута неизвѣстна,)
ИзшелЪ изЪ рукЪ благихЪ зиждителя небесна,
Дабы Всевышняго толь дерско озлоблять,
И столько ярости и странныхЪ дѣлЪ являть.
Мы безЪ оружія, лишь сЪ десятью перстами,
Не созданы, чтобЪ вѣкЪ свой прекращали сами:
Необходимостью и рокомЪ злыхЪ временЪ
Ужѐ онЪ безЪ того довольно сокращенЪ.
Песчаной пѣны сокЪ, дитя подагры злое,
И множество мокротЪ вЪ кремень пото́мЪ слитое,
Что страшной каменной болѣзнію зовемЪ,
Чахотки разныя и жгуща скорбь огнемЪ,
И прочихЪ тысящи недуговЪ злыхЪ и бѣдствій,
Обманы, клеветы, творцы печальныхЪ слѣдствій,
Иль мало горестей влекутЪ на шарЪ земли,
ХотябЪ военной мы науки не нашли?

От Кира до Царя, что в лавроносной славе,
Соделал Лентулов, (a) собой в своей державе,
Я ненавижу всех Героев имена,
Пусть хвалят их дела, пусть славят времена;
Что до меня, от них со страхом убегаю,
И к чорту самому в жилище посылаю.

Толь смело говоря, увидел я в углу,
Что острой молодец внимал мою хулу;
Мундир его имел два точно Эполета,
Сколь чином он велик, то знак, или примета,
Смел взор его, однак не лют, спокоен, мил,
И качества его души в себе носил,
И словом, Тактики был это сочинитель.

Я знаю, мне сказал премудрый сей учитель,
Что для Філозофа толь престарелых лет,
Как ты, что весь себе друзьями числишь свет,
И жизнь спокойную всему предпочитаешь,
Войны кровавыя, трофеи презираешь,
Жестоким кажется закон науки сей,
И отвращеніе родит в душе твоей.

По

(a) *Король Прусской собственным своим примером сделал искусными своих полководцев.*

По правдѣ ремесло мое безчеловѣчно,
Но крайню нужду въ немъ мы чувствуемъ конечно.
Чрезъ мѣру золъ рожденъ на свѣтѣ человѣкъ,
Злой Каинъ братнюю свирѣпо жизнь пресѣкъ,
И наши братія Сарматы, Визиготы,
Отъ странъ Донскихъ съ собой приведши сильны фло-
Секванскихъ береговъ не смѣлибъ раззорять, (ты,
Коль Римску Тактику мы лутчебъ стали знать.
Я храбрымъ воиномъ рожденъ, самъ воинъ равно,
Стараюсь прáвила предписывать исправно;
Не ближнихъ разграблять, но сохранять себя.
Мой другъ, ужè ли то противно для тебя,
Что тщатся изобрѣсть тебѣ въ защиту средства?
Спокоенъ будешъ ли не ощущая бѣдства,
Когда твои поля и домъ, и все что въ немъ
Нечаянно сожжетъ свирѣпой Готтъ огнемъ?
Надежными твой скотъ храниться долженъ псами,
Чтобъ небылъ расхищенъ на паствѣ онъ волками.
Есть безъ сомнѣнія законныя войны,
И зломъ не всѣ дѣлà геройски почтены;
Ты самъ, какъ говорятъ, средь тишины, покоя,
Пѣлъ громки дѣйствія (б) Беарнскихъ странъ Героя.

Онъ

(б) *Генрика IV.*

)(

Онъ право защищалъ рожденья своего;
Онъ правъ, виновны всѣ противники его.
Пусть говорить о семъ героѣ перестанемъ,
Но дня Фонтеноа ужель не воспомянемъ?
Какъ Легеонъ солдатъ Британскихъ ободренъ,
Толь смѣло чрезъ полки Французскихъ шелъ знаменъ?
Счастливой весельчакъ! Ты колкими рѣчами
Внутрь града велъ войну съ учеными умами,
Привыкши съ прочими *Госсену* (в) обожать.
Ты шелъ въ театръ, дабы съ ней взора не спускать,
Иль дарованія ты игроковъ и свойства
По волѣ тамъ судилъ, не зная беспокойства.
Но ты, и весь Парижъ, и словомъ весь Парнассъ,
Что бъ здѣлать вы могли чудеснаго для насъ,
Когда бы *Людовикъ особой самъ своею*
Не поспѣшилъ на мостъ Калонны въ страхъ злодѣю?
И тѣ, что гроша два награды въ день берутъ,
И Кесарьми себя неробкими зовутъ,
Когдабъ съ Британцами охотно несразились,
Которы къ намъ пришли, но въ домъ не возвратились?
Ты знаешъ, кто любя звукъ славы и похвалъ,
Съ тремя лишъ пушками побѣду одержалъ,

Намъ

(в) *славная Актриса.*

Намъ кровію она доставлена Граммона,
Разумнаго Лютто, и юнаго Краона.
Но вашихъ шумное соборище головъ
Гремѣло между тѣмъ сложеніемъ стиховъ,
Или подвеселясь, съ насмѣшкою презлою,
Ругаться шло въ театръ Меропой, Сиротою;
Коль Марсъ и Аполлонъ оружіе берутъ,
Коль церьковь, дворъ, мѣста судебны брань ведутъ,
Саббатьеръ (г) и Клеманъ въ углу, но при отвагѣ,
Противу лутшихъ музъ воюютъ на бумагѣ;
Позволь, чтобъ и солдатъ науку ту хвалилъ,
Что славу Франціи и крѣпость нашихъ силъ
Чрезъ многи времена собою ограждаетъ,
И гражданъ мирное спокойство утверждаетъ.

По увѣщаньи семъ Гюбертъ мой умолчалъ,
Умолкъ и я, и что отвѣтствовать незналъ.
Я силѣ здраваго разсудка покорился,
Что выше всѣхъ наукъ война, съ нимъ согласился.
И что Бурбона онъ съ Баярдомъ (д) описавъ
И счастливымъ перомъ ихъ мысли начертавъ,

До-

(г) *Худые Французскіе Писатели.*

(д) *Г. Гюбертъ сочинилъ трагедію, Бурвонъ,*

пъ

Достоинъ есть, чтобъ былъ онъ дѣломъ предводитель
Въ наукѣ, коей онъ лишь умственный учитель.

Но я откроюсь вамъ, что я молюсь всегда,
Чтобъ не было такой науки никогда,
Чтобъ правда въ мiръ ввела спокойствiе желанно,
Отъ Римскаго Попа гонимо и попранно.

въ которой онъ влагаетъ въ уста Баярду чрезвычайныя мысли.

